

ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-614-629

Научная статья / Research article

Политика идентичности и международная безопасность европейских государств постсоветского пространства

Л.А. Фадеева, Д.С. Плотников

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. В статье политика идентичности понимается как целенаправленный курс на форсирование и поддержание макрополитической идентичности. Авторы ссылаются на традиционное понимание политики идентичности в качестве политического курса, ориентированного на защиту прав угнетенных (депривированных) меньшинств. Объектом исследования являются европейские страны постсоветского пространства. На основе декларируемой в официальных выступлениях и подтвержденной в СМИ и учебниках истории позиции определяется доминирование международного (европейского) вектора политической идентичности. Авторы выделяют несколько этапов, определяющих алгоритм политики идентичности стран Балтии, Украины и Беларуси, приводят примеры того, что в современных условиях ссылка на ценностные ориентиры актуализирует классическое понимание политики идентичности, одновременно обостряя противостояние между странами, которые выбрали европейский вектор, и теми, кто колеблется или не имеет такого шанса.

Ключевые слова: политика идентичности, международная безопасность, конструирование идентичности, постсоветское пространство, Европейский союз, европейский фактор, Россия, Запад, секьюритизация

Для цитирования: Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Политика идентичности и международная безопасность европейских государств постсоветского пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 614–629. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-614-629

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Война и мир в вызовах европейской безопасности» – POWERS программы Жана Монне.

© Фадеева Л.А., Плотников Д.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Identity Politics and International Security of the Post-Soviet European States

L.A. Fadeeva, D.S. Plotnikov

Perm State University, Perm, Russian Federation

Abstract. In the article, identity politics is understood as an intentional policy towards forcing and maintaining a macro-political identity. The authors also refer to the traditional understanding of identity politics as a political course focused on protecting the rights of oppressed (deprived) minorities. The object of the research is the European countries of the post-Soviet space. The authors emphasize the dominance of the international (European) vector of political identity, based on the position declared in official speeches and confirmed in the media and history textbooks. The authors identify several stages that determine the algorithm of identity politics in the Baltic countries, the Ukraine and Belarus. They give examples of how in modern conditions the reference to value orientations actualizes the classical understanding of identity politics, at the same time exacerbating the confrontation between the countries that have chosen the European vector and those who hesitate or do not have such a chance.

Keywords: identity politics, international security, identity construction, post-Soviet space, European factor, Europe, Russia, the West, securitization

For citation: Fadeeva, L.A., & Plotnikov, D.S. (2021). Identity politics and international security of the post-Soviet European states. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 614–629. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-614-629

Acknowledgements: The article is prepared with the support of Jean Monnet Network – Erasmus+ Programme “Peace, War and the World in European Security Challenges” (POWERS).

Введение

Значимость идентичности в международных отношениях, в том числе в области формирования внешней политики, широко представлена в научной литературе [Hall 1999; Lebow 2016; Vucetic 1996]. Предложенная Р. Ароном концептуализация связи идентичности со стремлением государств к безопасности [Арон 2000] находит подтверждение в современном мире. Анализ конструирования коллективных идентичностей дает исследователям основания говорить о секьюритизации политики памяти и идентичности, ее тесной привязке к вопросам безопасности, защиты идентичности, особенно применительно к новым политическим акторам [Политика памяти... 2020].

Таковыми акторами стали все страны постсоветского пространства, у которых возникла острая потребность в воссоздании, конструировании национальной, политической идентичности [Национальные истории... 2009], в политике идентичности как политическом курсе «по сознательному, целенаправленному и систематическому формированию (конструированию), утверждению и корректировке национально-государственной идентичности» [Попова 2020].

В данной статье анализируются алгоритмы политики идентичности в постсоветских странах Восточной Европы за последние 30 лет, проводимой

политической и поддерживаемой интеллектуальной элитой, во внешнеполитическом контексте, который в значительной мере определял как характер политики идентичности, так и координаты внешней политики. Такие процессы существенно повлияли на трансформацию понимания политики идентичности как аналитической категории – от борьбы за признание социально ущемленных групп до деятельности субъектов политического процесса по формированию и поддержанию разных форм макрополитической идентичности [Идентичность... 2017].

Этапы идентитарной политики

Этапы идентитарной политики новых политических авторов – в контексте данной статьи – стран Балтии, Беларуси и Украины – тесно связаны с изменением международной ситуации. Как справедливо отмечает А.Д. Богатуров, ряд малых стран, в том числе на постсоветском пространстве, «живут не столько в системе мировых политических координат, сколько вдоль оси отношений Россия – Запад, плотно к этой оси прирав и от нее питаюсь – идеологически, политически и экономико-финансово»¹. Проводимая в этих странах политика идентичности зависит от данной оси. Значение имеет не только величина страны и ее потенциал. В 1990-е годы все эти страны нуждались в национальной идентичности, национальной идее, а ее интегратором, как правило, служит внешний «враг» [Казанцев, Меркушев 2008].

Первый этап – конструирование политической идентичности после распада СССР и на протяжении 1990-х гг., где перед новыми государствами постсоветского пространства встали задачи нахождения собственного места в современной международной системе, поиска «союзников» и мобилизации против «врагов». Одной из ключевых задач этого этапа является обоснование права на независимость и «историческая закономерность» появления самостоятельного государства после распада СССР.

Началом второго этапа стало расширение ЕС в 2004 г., усилившее европейский фактор политики идентичности для стран Балтии (Литва, Латвия, Эстония), которые стали новыми членами ЕС. Европейский вектор в политике идентичности сказался на ходе «оранжевой революции» в Украине в конце 2004 – начале 2005 г. Россия и Беларусь, напротив, в эти годы начинают отказываться от европейского вектора. Украина, которая на первом этапе придерживалась «многовекторности», на втором этапе делает ставку на поддержку ЕС и США с одновременным обозначением России в качестве «врага». Введение США в 2004 г. санкций в отношении Беларуси в связи с нарушением прав человека способствовало очередному качанию маятника белорусской внешней политики в сторону Москвы и формирование образа врага в лице «Запада».

¹ Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. 2006. 22 мая.

Третий этап трансформации политики идентичности в странах постсоветского пространства начинается с 2014–2015 гг., когда присоединение Крыма Россией и ее поддержка «Русского мира» на востоке Украины сочеталась с попыткой Москвы углубить интеграционные процессы на постсоветском пространстве под эгидой Евразийского экономического союза. Действия России в Украине способствовали не только дальнейшему формированию образа этой страны в качестве «врага» в странах Балтии и Украине, но и привели к новым колебаниям политики идентичности в Беларуси.

Современный этап в формировании политики идентичности связан с обострением геополитического противостояния между ЕС и Россией, которое проходит по странам постсоветского пространства, выбравшим в качестве союзника одного из двух внешнеполитических акторов, с приходом к власти политика «новой волны» В. Зеленского в Украине в 2019 г. и жестоким подавлением протестов в Беларуси после президентских выборов 9 августа 2020 г.

«Изобретение» идентичности: 1990-е гг.

После обретения независимости страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония) сразу взяли курс на интеграцию в евроатлантические структуры, провозглашая свое «возвращение в Европу». В вопросах идентичности балтийские народы связывали себя и свою ментальность с Европой (литовцы и латыши с Восточной Европой, а эстонцы с Северной, прежде всего Финляндией). Разрыв с советским прошлым выражался как в запрете советской символики, так и в актах «восстановления» государственности до 1940 года (т.е. до «советской оккупации»). В 1992 г. в Литве был принят Конституционный Акт «о неприсоединении Литовской Республики к постсоветским восточным союзам»². Литва очень гордилась тем, что объявила о своей независимости еще до распада СССР, 11 марта 1990 г. Правда, признали ее лишь Исландия и Дания [Vitkus 2019]. В балтийских странах шло активное переписывание истории, оценка советского периода как оккупации, начались войны памяти и «войны памятников» [Национальные истории... 2009:148–201].

Украина и Беларусь после распада СССР первоначально провозгласили политику «многовекторности», стремясь сохранить социально-экономические связи с Россией и наладить взаимоотношения со странами Европы.

Исторические традиции в Беларуси и Украине существенно различались, что отразилось как на внешней, так и на идентитарной политике этих стран уже в 1990-е годы. Украина представляет собой «расколотое» государство, в котором нет консенсуса по ключевым вопросам, включая вопрос внешней политики. При этом политическая элита избрала в качестве ключевого элемента политики идентичности украинского государства идею нациостроительства на основе украинской нации, языка и культуры (этническое основание макрополитической идентичности). Культурно-гуманитарная политика в Украине

² Конституционный акт Литовской республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.241798?jfwid=gvv9zhn32> (дата обращения: 30.08.2021).

была отдана на откуп умеренным националистам из «Руха», которые воспринимали Украину в качестве европейской державы, а Россия рассматривалась ими как помеха на пути «возвращения в Европу».

Причины конфронтации с Россией исследователи видят в том, что в основе политики идентичности Украины были положены «три основополагающих положения: российское государство – это враг украинской независимости, и поэтому в интересах Украины его ослабление, а еще лучше распад; русское население на Украине – очень серьезное препятствие на пути становления независимого украинского государства, и поэтому оно должно быть ассимилировано; независимость украинского государства может быть гарантирована только благодаря тесному сотрудничеству с европейскими странами, которые помогут ей в отстаивании своей независимости в противостоянии с „азиатской“ Россией, так как Украина является европейской страной, частью Европы» [Шмелев 2021].

Под занавес второго президентского срока Л. Кучма опубликовал книгу «Украина – не Россия», где выражал негодование по поводу пренебрежительного отношения россиян к украинской независимости и культурной идентичности, трактуя формулировки «Киев – мать городов русских», «Древняя Русь – общая колыбель трех восточно-славянских народов» как утверждение, что «Вы – это мы, а мы – это вы. То есть, вас – нету! Со всей вашей якобы отдельной историей и ментальностью» [Кучма 2003:3].

Беларусь, в сравнении с Украиной и другими республиками бывшего СССР, считается наиболее «русифицированной» страной, где сильны культурно-исторические связи с Россией. В общественном дискурсе Беларуси выделяют четыре модели внешней политики страны: «возвращение в Европу»; финляндизация внешней политики Минска; многовекторность; курс на государственную интеграцию с Россией [Неменский 2016]. Эти модели коррелируют с политикой идентичности.

Идея сближения с Россией строилась на историко-культурной идентичности. Признав в качестве государственного русский язык и идя на более тесное сотрудничество с Россией, Беларусь во многом схожим с Россией образом трактовала исторические события, акцентируя внимание на Великой Отечественной войне и «партизанщине». В целом Беларусь при А. Лукашенко во многом свернула процессы «десоветизации», что в символическом смысле выразилось в принятии герба и флага Беларуси, очень похожего на герб и флаг Белорусской ССР. Общая ностальгия по советскому прошлому, восприятие в качестве врага стран Запада стали той платформой, на которой продолжилось противоречивое сближение России и Беларуси в 2000-е гг.

Становление идентичности «буферной зоны»

Во всех странах Балтии в конце 1990-х – начале 2000-х гг. к власти приходили политики эмигрантской волны, чья сознательная жизнь проходила в странах Западной Европы либо Северной Америки. Их приход на высшие государственные посты знаменовал заимствование западной модели в области

управления и символизировал возврат к европейским ценностям с одновременным разрывом со всем советским, которое стало синонимом чужеродного и враждебного. Именно политики эмигрантской волны (Валдас Адамкус, Президент Литвы в 1998–2009, Вайра Вике-Фрайберга, президент Латвии в 1999–2007 гг., Тоомас Хендрик Ильвес, президент Эстонии в 2006–2016 гг.) сделали очень много для включения стран Балтии в евроатлантические структуры (в марте 2004 г. в НАТО, а в мае 2004 г. в ЕС).

На смену представлению 1990-х гг. о странах Балтики как некоем «мосте между Европой и «демократической» Россией пришли концепции понимания Балтики как «буферной зоны» или некой «прифронтовой полосы», сдерживающей «российский авторитаризм» в 2000-е гг. Балтийские страны отказались от празднования дня Победы 9 мая, вместо этого отмечая «день Европы», напоминающий о «цивилизационном» выборе Балтийских государств. Рост опасения реваншизма со стороны России произошел после заявлений В. Путина о том, что он считает распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой»³. Прибалты выступали как постоянные критики внутренней и внешней политики России, их политики столь часто говорили об угрозе со стороны России, что воспринимались европейскими элитами как спойлеры, которые лишь вносят напряженность и ненужный шум в отношения Запада и России [Raik 2016]. Важным элементом политики идентичности балтийских стран был виктимизм: представления себя в качестве жертвы двух тоталитаризмов – нацистского и советского. До вступления в ЕС они еще не отказывались от признания Холокоста как ключевого момента в коллективной памяти о войне, но музеи открывали не Холокосту, а жертвам советского террора.

После вступления в ЕС балтийские страны стали вместе с Польшей инициаторами пересмотра исторического нарратива, в котором «добрые союзники победили злых нацистов» [Фадеева, Плотников 2019]. Проблема вины и ответственности за советскую оккупацию была перенесена из внутренней повестки во внешнюю, в повестку Европейского союза, в результате чего были приняты документы, уравнивающие нацизм и сталинизм [Политика памяти... 2020].

В этот период во внешней политике и политике идентичности Украины можно выделить два этапа. Первый – 2004–2010 гг., когда после «Оранжевой революции» президент В. Ющенко провозгласил курс на евроинтеграцию и вступление в НАТО приоритетами во внешней политике, стремясь максимально дистанцироваться от России. Второй – 2010–2013 – период президентства В. Януковича, а именно возвращение к политике «многовекторности» и налаживание диалога с Россией.

Победа «оранжевой революции» происходила под лозунгами «евроинтеграции». Ценностные ориентации, представленные «европейским выбором» Украины, имели прочные коннотации с победой В. Ющенко, которого

³ Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века. URL: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html> (дата обращения: 28.08.2021).

поддерживал ряд лидеров ЕС и США, что играло особую роль в мобилизации его сторонников [Финько 2005]. Как отмечают украинские политологи М. Погребинский и А. Толпыго, «для В. Ющенко европейский выбор, выбор геополитический и цивилизационный – базисный элемент национальной идеи, призванной обеспечить создание суверенного украинского государства» [Украина 2007].

Созданный при президенте «Институт национальной памяти» проводил политику декоммунизации, способствуя появлению «музеев советской оккупации», на государственном уровне происходило приравнивание «Голодомора» к геноциду. Заверения о скором вступлении Украины в НАТО и ЕС так и остались обещаниями, в итоге рейтинг В. Ющенко был настолько низким, что на президентских выборах 2010 г. он не прошел во второй тур. Победа В. Януковича с опорой на электорат юго-восточных регионов Украины означала реанимацию идеи «многовекторности» и улучшения российско-украинских отношений. Приостановка же соглашения об ассоциации Украины с ЕС послужила поводом для новой революции. Таким образом, идея европейской интеграции Украины за 2000-е гг. обрела большую популярность преимущественно в центральных и западных регионах страны. Одним из ключевых факторов «европейского» выбора Украины стало расширение ЕС до непосредственных границ Украины.

Политические процессы в Беларуси в 2000-е гг. имели иной вектор: во второй половине 1990-х было подписано большое количество документов, касающихся сближения России и Беларуси, но в начале 2000-х процесс создания Союзного государства замедлился⁴. Подписывая документы, реализация которых откладывалась на потом, давая союзнические обязательства,

---

⁴ 29 апреля 1996 г. в Санкт-Петербурге руководители парламентов двух стран подписали соглашение о Парламентском Собрании.

2 апреля 1997 года в Москве президенты Белоруссии и России подписали Договор о Союзе Беларуси и России. С тех пор 2 апреля отмечается как День единения народов Белоруссии и России.

23 мая 1997 года состоялось подписание Устава Союза Беларуси и России. В соответствии с Уставом Союза Беларуси и России в 1997 году были образованы Высший совет и Исполнительный комитет Союза Беларуси и России. Парламентское Собрание Сообщества было преобразовано в Парламентское Собрание Союза Беларуси и России.

В 1997–1998 годах происходит формирование исполнительных органов Союза, общего бюджета, осуществляется разработка и реализация первых союзных программ. Образованы Пограничный и Таможенный комитеты, Комитет по вопросам безопасности.

В январе 1998 года был подписан Договор о совместной Телерадиовещательной организации Союза Беларуси и России.

25 декабря 1998 года президенты подписали Декларацию о дальнейшем единении Республики Беларусь и России, Договор о равных правах граждан, а также Соглашение о создании равных условий субъектам хозяйствования.

8 декабря 1999 года в Москве состоялось подписание Договора о создании Союзного государства и была принята Программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства. 26 января 2000 г., после ратификации Договора парламентами двух стран, он вступил в силу.

А. Лукашенко выторговал существенные преференции для Беларуси в области экономических отношений с Россией. Журналисты едко назвали подобную политику А. Лукашенко в отношении России «нефть в обмен на поцелуи». Подобная политика Беларуси вызывала негодование со стороны российского руководства, что выражалось в периодических требованиях либо перевести отношения на «рыночные рельсы», либо начать имплементацию достигнутых договоренностей в области интеграции России и Беларуси.

Организованное давление со стороны Москвы на режим А. Лукашенко приводило к попыткам последнего наладить отношения со странами ЕС и США. Однако США и ЕС ставили в качестве условий либерализацию белорусского режима и допуск оппозиции на выборы, либерализацию экономики Беларуси, т.е. условия ценностного характера (распространение демократических стандартов и принципов рыночной экономики с вытекающими из этого правовыми инструментами в виде защиты собственности, независимости суда и т.д.). Внешняя политика Беларуси носила «маятниковый» характер, направленный на решение ситуативных задач, ставящих в качестве приоритета «выживание» режима А. Лукашенко. В идентитарной политике правящий класс периодически обращался к общему советскому прошлому, опыту партизанской войны и т.п., одновременно критикуя европейские ценности как декларативные. В свою очередь, белорусская оппозиция в ходе президентской избирательной кампании 2010 г. сплотилась под лозунгами европеизации Беларуси, а одним из лидеров протеста стал лидер движения «Европейская Беларусь» А. Санников.

Таким образом, на втором этапе наблюдается повсеместный рост антагонизма по оси Россия/Запад в политике идентичности стран Балтии, Украины и Беларуси, связанного с тем, что регион становится объектом противостояния ЕС и России, особенно в ходе «оранжевой революции» в Украине. Странам региона в этих условиях приходится выбирать «союзника» исходя из собственных ценностных ориентаций и приоритетов. Российское влияние на этом этапе резко сокращается в Украине и остается значительным лишь в Беларуси. Последующий этап («гроза 2014 года») ознаменовал еще больший рост противоречий и использование риторики «войны».

Секьюритизация политики идентичности

«Революция достоинства» в Украине в феврале 2014 г., захват Крыма Россией в марте 2014 г. и последующее военное противостояние на востоке Украины создали новую демаркационную линию. «Сотрудничество с Европой – ближайшим соседом России – забуксовало не только в результате украинского кризиса и принципиальных разногласий по определению политических и общественных ценностей, – отмечает Д.В. Тренин. – Изначальные основы этого сотрудничества – европейская идея о все большем приближении России к европейским нормам и принципам, но без включения России в ЕС и российская надежда на то, что элиты стран ЕС с окончанием холодной войны сойдут с атлантической орбиты и начнут строить вместе с Россией Большую

Европу – оказались нежизнеспособными. Не удалось договориться даже о принципах европейской безопасности в новых условиях» [Тренин 2021:231].

Претендуя на роль самостоятельного и активного актора международных отношений, Россия запустила процесс евразийской интеграции, что послужило основанием для обвинений со стороны Запада в «реинкарнации» СССР в новом обличье. Наиболее непримиримая риторика в адрес России последовала из уст президента Литвы Даля Грибаускайте, которая назвала Россию «террористическим государством»⁵. При этом Литва в данный период стремилась играть роль посредника между ЕС и странами постсоветского пространства, в частности, на саммите «Восточного партнерства» в ноябре 2013 г. в Вильнюсе, где Даля Грибаускайте настоятельно рекомендовала В. Януковичу подписать соглашение об ассоциации между Украиной и Евросоюзом, требуя изменения его внутренней политики в отношении оппозиции.

«Балтийский фактор» становится после событий 2014 г. одним из ключевых в отношениях ЕС и России. Кристи Райк, директор Эстонского института международной политики, характеризует этот процесс так, что на протяжении 20 лет балтийские государства (и Польша) предупреждали Европу об исходящей от России опасности, но в ответ получали обвинения в паранойе, связанной с чрезмерным вниманием к прошлому, которое сформировало встроенный антагонизм на уровне конструирования идентичности. Теперь они могут сказать: «Мы вам говорили!» [Raik 2016:240]. Райк ссылается на мнения исследователей, что Россия опирается на геополитический реализм, в то время как Европейский союз делает выбор в пользу ценностей. Но балтийские страны руководствовались геополитическими соображениями, используя все возможности для того, чтобы связать Украину с ЕС [Raik 2016:247].

В вопросах безопасности балтийские страны всецело полагаются на НАТО, оценивая Россию в качестве угрозы своей безопасности и требуя обеспечить их защиту. В характеристике их внешнеполитической идентичности произошел переход от понимания своих стран как мостов между Европой и Россией к оценке их как пограничной заставы [Miniotaite 2003:219]. А после 2014 г. – как прифронтовой полосы.

«Украинский транзит» важен не только сам по себе, но и как один из важных компонентов нового конструкта международных отношений, прежде всего, в Европе. «В глобальном политическом контексте Украина часто предстает объектом, а не самостоятельным субъектом международных отношений, картой в большой геополитической игре, – резюмирует В.И. Мироненко [Мироненко 2020:13]. Идея Русского мира как нового объединения территорий, населенных этническими русскими, имела кратковременный успех в Крыму и Донбассе, одновременно вызвав настороженность ряда стран, не только балтийских. Проект «Новороссия», продвигаемый Россией, не получил развития. Вместо этого произошла консолидация украинского общества

---

⁵ Президент Литвы назвала Россию «террористическим государством». URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/11/2014/546dd439cbb20fbe188fb6a9> (дата обращения: 28.08.2021).

на национально-патриотических началах, с определением России как «агрессора» и «врага».

Переход Крыма под российский контроль при помощи вооруженных сил в 2014 г. усилил стремление А. Лукашенко сформировать альтернативную российской историческую идентичность. В ежегодном послании к народу и Республике А. Лукашенко в апреле 2014 г. заявил: «Я обращаюсь к вам в непростое время. Государства, окружающие нас, пришли в движение. Бурлит Украина, в полный исторический рост пытается встать Россия. На наших глазах рушатся старые границы. И впервые за много лет в Европе вновь потянуло дымком от взрывов»⁶. В 2016 г. А. Лукашенко одобрил сознание нового школьного учебника по истории, согласно которому становление белорусской государственности происходит в середине IX в. – с созданием Полоцкой земли, самостоятельно и автономно. Лукашенко в свойственной ему «простонародной» манере неоднократно заявлял, что белорусы имеют свою историю и идентичность, которые существенно отличаются от российской. Сравнивая украинский и белорусский национализмы, Д.В. Тренин отмечает менее антирусский характер последнего, но общую их ориентацию на ближний Запад, в то время как Европа не готова «в обозримом будущем интегрировать восточных соседей, ценность которых состоит главным образом в том, что они являются буферами, отделяющими ЕС от России» [Тренин 2021:327].

Современные перипетии политики идентичности

На современном этапе происходит беспрецедентное обострение в отношениях России с Западом, в частности Европейским союзом. Санкционная политика ЕС, дело Скрипалей, отравление Навального, ультиматумы европейских лидеров, торможение модели выборочного сотрудничества, отказ от встреч на высшем уровне – каждое из этих событий является знаковым. В контексте политики идентичности европейских стран особое значение имеет блокирование в июне 2021 г. инициативы Франции и Германии по проведению саммита Россия – ЕС. Ключевую роль в этом «отказе от смелости» (по словам Меркель) сыграли малые страны – члены ЕС, особенно балтийские государства. Их лидеры категорически высказались против такого саммита. Президент Литвы Гитанас Науседа назвал идею о саммите с Россией аналогичной «попытке привлечь медведя, чтобы сохранить горшок с медом в безопасности»⁷. Он выглядел чрезвычайно гордым, особенно по сравнению с весьма огорченной Ангелой Меркель. «Балтийский фактор» в отношениях России и ЕС в данной ситуации оказался решающим.

⁶ Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549> (дата обращения: 28.08.2021).

⁷ Евросоюз не поддержал инициативу Германии и Франции о проведении саммита с Россией. URL: <https://www.epochtimes.ru/evrosoyuz-ne-podderzhal-initsiativu-germanii-i-frantsii-o-provedenii-sammita-s-rossiej-99111695/> (дата обращения: 28.08.2021).

Выборы президента Украины весной 2019 г. и президентские выборы в Беларуси 9 августа 2020 г. оказываются тесно включены в этот процесс. Приход к власти В. Зеленского в 2019 г. ознаменовал сохранение западного вектора украинской внешней политики, с некоторыми отсылками к роли России. Так, на ежегодной мюнхенской конференции по безопасности в Европе В. Зеленский заявил относительно вооруженного конфликта на Донбассе: «Не мы эту войну начали, но нам ее заканчивать»⁸. Неудачи в разрешении конфликта и во внутренней политике, снижение рейтингов В. Зеленского толкали его на более жесткий внешнеполитический курс, а в плане политики идентичности – на «дрейф» в сторону умеренного национализма. В 2020-е гг. «западный» вектор внешней политики Украины сохраняется в качестве приоритетного, но идея «возвращения в Европу» воспринимается скорее как запрос на «справедливые» реформы по европейскому образцу.

В Беларуси последовавшие за президентскими выборами массовые акции протеста против фальсификации их результатов были жестоко подавлены властями. В ходе президентской кампании и после нее А. Лукашенко со своим собственным ему упорством искал внутренних и внешних «врагов», «расшатывающих» ситуацию в Беларуси. Традиционно риторика А. Лукашенко менялась в зависимости от политической конъюнктуры, порой на противоположную. Так, накануне выборов А. Лукашенко заявлял о «российском вмешательстве в выборы»⁹, после чего последовали аресты активистов связанного с Газпромом «Белгазпромбанка» (возглавляемого В. Бабарико – оппозиционным кандидатом на пост президента Беларуси), 29 июня 2020 г. КГБ Беларуси были арестованы под Минском 32 россиянина, которых позже СК Беларуси обвинил в «подготовке массовых беспорядков»¹⁰.

После признания В. Путиным итогов выборов и поздравления А. Лукашенко с победой образ «врага» в риторике А. Лукашенко переместился на «Запад». Олицетворением «врагов Беларуси» стали власти Польши и Литвы, помогающие белорусским гражданам получить убежище на своей территории. Вновь актуализируется историческая идентичность в контексте Великой Отечественной войны. Летом 2021 г. А. Лукашенко объявил 17 сентября «днем народного единства»¹¹, приурочив эту дату к советскому вторжению в

⁸ «Не мы начали эту войну, но нам ее заканчивать. И мы это сделаем. Вместе с вами». Речь Зеленского на Мюнхенской конференции по безопасности. URL: <https://gordonua.com/publications/-ne-my-nachali-etu-voynu-no-nam-ee-zakanchivat-i-my-eto-sdelaem-vmeste-s-vami-rech-zelenskogo-na-mjunhenskoj-konferentsii-po-bezopasnosti-1487128.html> (дата обращения: 28.08.2021).

⁹ Лукашенко заявил о российском вмешательстве во внутренние дела Белоруссии. URL: <https://www.interfax.ru/world/714616> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁰ 32 «вагнеровца», задержанные под Минском, вернулись в Россию. На Украине возмутились этим решением. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53775956> (дата обращения: 28.08.2021).

¹¹ А. Лукашенко рассказал, почему 17 сентября решил не объявлять выходным днем. URL: https://www.tvr.by/news/prezident/a_lukashenko_rasskazal_pochemu_17_sentyabrya_reshil_ne_o_byavlyat_ykhnodnym_dnem/ (дата обращения: 28.08.2021).

Польшу в 1939 г., в результате чего Польша была оккупирована СССР и Германией, а к территории Белорусской ССР были присоединены западные земли. Согласно заявлению пресс-службы президента Беларуси, «этот день стал актом исторической справедливости в отношении белорусского народа, разделенного против его воли в 1921 году по условиям Рижского мирного договора, и навсегда закрепился в национальной исторической традиции»¹².

Одновременно солидарность с политической оппозицией Беларуси, пострадавшей от действий силовиков, выразили страны ЕС (включая государства Балтии, в особенности Литвы), а также Украина.

В то же время и в Украине, и в Беларуси политические элиты воспринимают как историческую обиду попытку российских лидеров идентифицировать Беларусь и Украину в качестве «младших братьев» России, как в недавней статье В. Путина, который писал о едином историческом и духовном пространстве этих стран, а возникшие между ними расколы оценивал как общую беду как трагедию¹³. Времена единой Европы «от Лиссабона до Владивостока» оказались в далеком прошлом. Геополитическое противостояние по линии Россия – Запад задает тренд внешнеполитической идентичности («мы» – «они»), определяющей «друзей» и «врагов» для рассматриваемых стран постсоветского пространства на среднесрочную перспективу.

В то же время как российские, так и европейские исследователи отмечают, что демаркационная линия проходит по ценностным ориентирам. Во всех последних заявлениях лидеров ЕС звучит тема ценностей, которые находятся под угрозой извне и нуждаются в защите. Чаще всего такого рода декларации делаются в отношении России, которую рассматривают как угрозу безопасности Европейского союза. К защите общих ценностей и интересов призывает председатель Европейского совета Шарль Мишель¹⁴, включая в перечень таких ценностей веру в открытое общество, многосторонность и демократические ценности¹⁵. Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен решительно обвиняет Россию в том, что та «бросает вызов ценностям Евросоюза»¹⁶. Президент Франции, доказывая необходимость саммита ЕС – Россия, уверял, что «ЕС будет требователен, потому что мы не откажемся от наших ценностей»¹⁷. В интервью от 3 сентября 2021 г. «Радио

¹² В Беларуси учредили День народного единства. URL: <https://www.belta.by/president/view/v-belarusi-uchredili-den-narodnogo-edinstva-444876-2021/> (дата обращения: 28.08.2021).

¹³ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁴ В Евросоюзе заявили, что не боятся Россию. URL: <https://ria.ru/20210611/evrosoyuz-1736690588.html> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁵ В Евросовете заявили, что тема России на саммите G7 станет одной из главных. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/06/10/n_16085204.shtml (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁶ Глава ЕК заявила о саботаже Россией ценностей и интересов ЕС. URL: <https://iz.ru/1168675/2021-05-25/glava-ek-zaiavila-o-sabotazhe-rossicii-tcennostei-i-interesov-es> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁷ Евросоюз отказался от идеи саммита с Россией, за которую ратовали Меркель и Макрон. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57598579> (дата обращения: 28.08.2021).

Свобода» верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель бросил России очередной упрек: «Из действий современной России очевидно, что политическое руководство Москвы явно не заинтересовано в сотрудничестве с Европейским союзом. Кремль отходит от Европы и европейских ценностей и, кажется, заинтересован в противостоянии, активно пытаясь вести подрывную деятельность против ЕС».

Российские политики парируют такие обвинения различными аргументами, включая ценностные. «Идейной основой воссоединения „западной семьи“ стало декларирование либеральных ценностей в качестве „путеводной звезды“ развития человечества», – заявляет С.В. Лавров, уточняя, что «бесперспективно ставить во главу угла вопрос о том, чьи ценности лучше или хуже, надо просто признать наличие других – по сравнению с западными – форм организации общества, принять как данность, уважать их»¹⁸.

В современном Европейском союзе защита прав сексуальных меньшинств отнесена большинством его лидеров и наднациональными структурами к числу его фундаментальных ценностей, таких как равенство, уважение и толерантность. Президент Венгрии Виктор Орбан, обосновывая свою политику, ссылается на традиции и самобытность венгров, которые желают защитить европейскую идентичность. Показательно, что против принятого в Венгрии закона против гей-пропаганды активно выступили балтийские страны – члены ЕС. Аналогичный закон, принятый в России, стал поводом для характеристики политики Путина как гомофобской, что становится константой позиции ЕС в отношении России. Таким образом, политика идентичности совершает неожиданный поворот: целенаправленный курс по конструированию и поддержанию макрополитической идентичности сегодня в контексте западной политики включает в себя политику по защите и продвижению меньшинств, в особенности сексуальных. Этот поворот поддержан балтийскими странами, хотя в Украине и Беларуси он не очевиден. Традиционно понимаемая политика идентичности становится своего рода маркером на толерантность, демократизм и европейскость.

Рассуждения в заключение

Встреча российского и белорусского президентов 10 сентября 2021 г. и актуализация проблематики Союзного государства, казалось бы, ставят под сомнение значимость идентитарной политики. Нам представляется, что новая ситуация, напротив, обостряет и актуализирует ее значение. Если рассуждать в русле «реальной политики», то понятно, что для России (Путина, Кремля) мотивы очередного сближения с Беларусью являются доминирующими, а идентитарные могут быть использованы в качестве инструментального подтверждения. Однако именно политика идентичности, очевидно, будет использована для легитимации поворота Лукашенко в сторону России и критики европейского вектора, что коснется проблемы европейских и национальных

¹⁸ URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/> (дата обращения: 28.08.2021).

ценностей, стандартов, норм поведения. В таком случае Россия и Беларусь окажутся по одну «линию фронта», а ЕС и его балтийские члены, а также Украина – по другую.

В целом последние события (очередная встреча В. Путина и А. Лукашенко и договоренность о новых дотациях Белоруссии со стороны России, заявления В. Зеленского о возможной войне с Россией и т.д.) подтверждают новые разграничительные линии, по разные стороны которых политические акторы будут выстраивать свои условные «прозападные» и «антизападные» идентичности, апеллируя к истории, культуре, ценностям и т.д. в оправдании собственного политического и внешнеполитического курса.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Арон Р.* Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000.
- Европа XXI века.* Новые вызовы и риски / под общ. ред. Ал.А. Громько, В.П. Федорова. М.: ИЕ РАН, СПб.: Нестор-История, 2017.
- Идентичность. Личность. Общество. Политика:* энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017.
- Казанцев А.А., Меркушев В.Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. 2008. № 2. С. 122–135.
- Кочетков А.П.* Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5–26.
- Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. М., 2003.
- Мироненко В.И.* Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа. М.: Институт Европы РАН, 2020.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II* / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2009.
- Неменский О.Б.* «Последний союзник» российско-белорусские отношения на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 9 (5). С. 24–40. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2016-9-5-24-40>
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы* / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
- Попова О.В.* О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Тренин Д.* Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021.
- Украина без Кучмы: год оранжевой власти: январь 2005 – март 2006 года* / сост. М. Погребинский, А. Толыго. Киев: Оптима, 2007.
- Фадеева Л.А., Плотников Д.С.* Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии международной безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток: Материалы Международной научной конференции / под ред. А.В. Акульшиной. М.: Научный консультант, 2019. С. 213–238.
- Финько А.* Выборы 2004 года: основные конфликты и их последствия // «Оранжевая революция». Украинская версия. М., 2005.
- Шмелев Б.А.* Причины конфронтации между Россией и Украиной // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (1). С. 33–53. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-33-53>

- Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis // *Journal of Baltic Studies*. 2018. Vol. 49, No. 3. P. 305–331.
- Hall R.B. *National collective identity: Social constructs and international systems*. New York: Columbia University Press, 1999.
- Kaarbo J. Foreign policy analysis in the twenty-first century: Back to comparison, forward to identity and ideas // *International Studies Review*. 2003. No. 5(2). P. 156–163.
- Lebow R. N. *National identities and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Manicom J. Identity Politics and the Russia-Canada Continental Shelf Dispute: An Impediment to Cooperation? // *Geopolitics*. 2013. Vol. 18, No. 1. P. 60–76.
- Miniotaite G. Convergent Geography and Divergent Identities: A decade of transformation in the Baltic states // *Cambridge Review of International Affairs*. 2003. Vol. 16, No. 2. P. 209–222.
- Raik K. Liberalism and geopolitics in EU–Russia relations: rereading the “Baltic factor” // *European security*. 2016. Vol. 25, No. 2. P. 237–255.
- Vitkus G. Trilemmas of recognition in the Baltic states’ foreign policies // *Journal of Baltic Studies*. 2019. Vol. 50, No. 3. P. 307–326.
- Vucetic S. *Identity and Foreign Policy // The culture of national security: Norms and identities in world politics* / P.J. Katzenstein (Ed.). New York: Columbia University Press, 1996.

References

- Aron, R. (2000). *Peace and war between nations*. Moscow: Nota Bene. (In Russian).
- Bomsdorfa, F., & Bordugova, G. (Eds.). (2009). *National stories in the post-Soviet space – II*. Moscow. (In Russian).
- Fabrykant, M. (2018). National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis. *Journal of Baltic Studies*, 49(3), 305–331.
- Fadeeva, L.A., & Plotnikov, D.S. (2019). The experience of world wars in identity politics and building an international security strategy. In A.V. Akulshina (Ed.), *Regional strategies for international security: Russia, the EU and the Middle East: Proceedings of an international scientific conference* (pp. 213–238). Moscow: Scientific Consultant. (In Russian).
- Finko, A. (2005). Elections of 2004: main conflicts and their consequences. In “Orange revolution”. *Ukrainian version*. Moscow. (In Russian).
- Gromyko, A., & Fedorova, V.P. (Eds.). (2017). *Europe of the XXI century. New challenges and risks*. IE RAN SPB.: Nestor-Istoria. (In Russian).
- Hall, R.B. (1999). *National collective identity: Social constructs and international systems*. New York: Columbia University Press.
- Kaarbo, J. (2003). Foreign policy analysis in the twenty-first century: Back to comparison, forward to identity and ideas. *International Studies Review*, 5(2), 156–163.
- Kazancev, A.A., & Merkyszev, V.N. (2008). Russia and the Post-Soviet Space: Prospects for Using “Soft Power”. *Polis. Political Studies*, (2), 122–135. (In Russian).
- Kochetkov, A.P. (2010). Identity in international relations: theoretical foundations and role in world politics. *Moscow University Bulletin of World politics*, (1), 5–26. (In Russian).
- Kuchma, L.D. (2003). *Ukraine is not Russia*. Moscow. (In Russian).
- Lebow, R.N. (2016). *National identities and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Manicom, J. (2013). Identity politics and the Russia-Canada continental shelf dispute: An impediment to cooperation? *Geopolitics*, 18(1), 60–76.
- Miller, A.I., & Efremenko, D.V. (Eds.). (2020). *The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. (In Russian).
- Miniotaite, G. (2003). Convergent geography and divergent identities: A decade of transformation in the Baltic states. *Cambridge Review of International Affairs*, 16(2), 209–222.
- Mironenko, V.I. (2020). *Ukrainian transit. Situation analysis experience*. Moscow: Institute of Europe. (In Russian).

- Nemenskiy, O.B. (2016). “The Last Ally” Russian-Belarusian relations at the present stage. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 9(5), 24–40. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2016-9-5-24-40>
- Pohrebinskiy, M.B., & Tolpygo, A. (Eds.). (2006). *Ukraine without Kuchma. The Year of the Orange Power. January 2005 – March 2006*. Kiev: Optima. (In Russian).
- Popova, O.V. (2020). Unresolved problems in the theory of state identity policy in Russian political science. *Political science (RU)*, (4), 86–110. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Raik, K. (2016). Liberalism and geopolitics in EU–Russia relations: Rereading the “Baltic factor”. *European Security*, 25(2), 237–255.
- Semenenko, I.S. (Ed.). (2017). *Identity. Personality. Society. Politics. Encyclopedia edition*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Shmelev, B.A. (2021). The reasons of the confrontation between Russia and the Ukraine. *Post-Soviet Issues*, 8(1), 33–53. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-33-53>
- Trenin, D. (2021). *A new balance of power. Russia in search of foreign policy balance*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Vitkus, G. (2019). Trilemmas of recognition in the Baltic states’ foreign policies. *Journal of Baltic Studies*, 50(3), 307–326.
- Vucetic, S. (1996). Identity and Foreign Policy. In J. Katzenstein (Ed.), *The culture of national security: Norms and identities in world politics*. New York: Columbia University Press.

Сведения об авторах:

Фадеева Любовь Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета (e-mail: polsci@yandex.ru) (ORCID ID: 0000-0002-3389-750X)

Плотников Дмитрий Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета (e-mail: plotnikov.perm@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0001-6846-044X)

About the authors:

Lyubov A. Fadeeva – Doctor of Historical Science, Professor of the Political Science Department, Perm State University (e-mail: polsci@yandex.ru) (ORCID ID: 0000-0002-3389-750X)

Dmitrij S. Plotnikov – PhD of Political Science of the Political Science Department, Perm State University (e-mail: plotnikov.perm@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0001-6846-044X)